

ПРОЗА

О.Павловский

П О Б Е Д И Т Е Л Ь

/Глава из повести "Бедный Краевский"/

Тихим вечером, поздней весной замечательного, как новый велосипед года, бедолага Краевский — вокзальная душа — слегка прихрамывая, шел домой, если приблизите пьянчуг и него дядя можно назвать домом.

Рука об руку с ним тащилась не совсем обычная шлюха, но натуральная зоологическая шкура, где-то там или в другом месте витала тень покинувшей его Любви, а впереди маячило острое желание напиться и обо всем забыть, хотя практически это было невозможно — сильное потрясение бросало его последние две недели в объятия вакхических видений, телефонных звонков и полное его недоумение — кому бы подсунуть еще свое очередное горе? — натыкалось на кирпичную стену общечеловеческого практицизма.

Более всего Краевского тянуло всюду говорить правду в глаза, делал он это крайне редко и только в последнее время зачастую, и это были оратории под грохот пустых бутылок, под непрерывный треск телефона, хохот, гогот и, если хотите, крап.

Все началось с-ведра экспериментальной браги и надо сказать эксперимент удался, и продолжался долго, и Краевский понял — нет такого горя, на которое не слетелась бы куча бездельников как мухи на соленое дермо, чтобы помочь это горе залить, это дермо замазать, а дерма у него на душе было много. Тогда Краевский решил окончательно порвать со своим наивным прошлым в который раз навсегда. Но подгоняемое

временем и ветерком пространство неумолимо, так сказать, двигалось навстречу ему, биологический фактор притянул к плечу и все предвещало восьмое чудо света, поскольку седьмое уже было вчера.

Поднявшись на второй этаж — факт малозначительный — Краевский молча открыл дверь, втайне надеясь, что его логос сгорело, но этого не случилось.

Краевский не казался приличным человеком и его спутница это поняла теперь, а первое впечатление ее обмануло. Правда ей было неизвестно, что накануне Краевский продал-таки двести томов всемирной библиотеки — он полагал нравственный скачок начать скачком финансовым. Если бы она это знала, то отнеслась бы с большим уважением к джентльмену помешавшему ее плавной посадке в автомобиль у ресторана "Приморский", точнее, напротив ресторана...

Этого она не знала, а знала, что ей велено вымыть стаканы, скрести со стола и кое-что еще, тогда как Краевский расталкивал двоих верных друзей и одну бабу — они спали на диване вне себя от жажды, ожиданий и философских соображений. Кое-что стояло в холодильнике, т.е. много водки и немного остатков еды — нет! мало водки и слишком много еды! Тогда она стала готовить ужин, т.к. очень хотела жрать.

По мере того, как в стаканах забулькало, в голове застонало и пр., Краевскому меньше захотелось разогнать всю эту компанию... проснувшись, он понял: компания распалась окончательно, выпить нечего и его ночная спутница исчезла так и не успев совершить с ним акт взаимной любви, и вместе с ней исчезла импортная спортивная сумка... Интересно, где ее воспитывали? Не сумку, конечно, а эту ба-ба-ба-бу? Впрочем, сумку тоже...

Краевский одевался тщательно. Вчерашняя пьяница дооже выбила из него остатки бесхарактерности и денег. Следовало двигаться в сберкассу — как мы предусмотрительны! — и приводить к общему знаменателю джентльмена и человека.

Ничто, казалось, не напоминало ему о сбежавшей, Ушедшей, исчезнувшей Любви и лишь слабая мечта как бы смеясь напевала, что он может всю жизнь любил обязательно то, чего у него не было и никогда не будет...

У него была Петроградская... со всеми криминальными последствиями этого жанра учитывая его привычку брахтаться в пыли как перезревший от блок индюк но пыль эта особого свойства она светилась на солнце в окнах широких квартир куда его не приглашали и он лез на крышу за порцией солнечной пыли и это была игра без правил хорошего тона и можно было загорать читать и писать красками жесткие коричневые цветы жестяных петроградских крыш запах которых не для слабосердечных... он любил искусство любил самого себя любил художников любил мэтров и будущих однокашников всех на свете когда его сотрапезники только собирались становиться мэтрами как и он сам и он не вспоминал о них и не думал с маленькой долей грусти как делал это теперь хотя и раньше было понятно что грусть это память а амнезия - лишь амнистия для сердца и для того что впоследствии назовется прошлым и осядет как позолоченная пыль...

Краевский одевался тщательно. Его пригласили на вечеринку или попросту говоря торжество и он слегка торопился, чтобы успеть к финишу. Он забыл или потерял телефон, поэтому купил пару коньяка и несколько оранжевых маков, и пошел наощупь твердо зная, что пьяницу ноги доведут. Да, обещали познакомить с Победителем, (как он мысленно стал его называть), тех соревнований, где финал - благополучие, но и благополучие не финал или не всем и каждому, или... короче с мэтром, хорошим парнем с умом, размахом парнем не промах и вообще - бабы на него молились, мужики называли другом как, впрочем, и бабы с той лишь разницей, что одни с ним пили, другие спали, иные просто были с ним на равной что называется ноге. Было чем заняться, у любого любопытство повысазило бы да еще за одним столом, да... Краевского не занял ни один. Он вообще не интриган. Но сознавая, какое он сам говно, Краевский хотел бы посмотреть, как живут нормальные люди. Кроме того он весьма ценил скрытые качества, а может потребности собствен-

ной души не сразу заметные - а вдруг... Короче он плавал и продолжает плавать в дерьме с мечтами пополам, его не передаешь... И никчему...

...это было весело. Ему подали курицу и он съел ее без особого аппетита. Кур здесь лопали целиком и Краевскому стало любопытно - сколько же в этом доме духовок? Он ~~стал~~ пробираться на кухню как бы невзначай - за столом его не замечали, славатебегосподи!, на вопрос, кто он такой, ответ сложился не сразу, а после не сложился совсем, было не до Краевского, Краевский просто затерялся среди такого обилия кур, но и курицы затерялись среди толстого мужика - такого толстого, что он так и стоял в дверях - это была крупная фигура в искусстве и вообще, а не швейцар как сначала показалось и, едва не одозорившись, Краевский стал боком пробираться на кухню - надо же было выяснить, сколько там этих... не на полпути его остановили и дали подержать огромное блюдо, горячее и тяжелое, как паровоз. Блюдо он не выронил и сел доедать курицу, а курице, чувствовалось, не будет конца.

Шел седьмой день рождения. Пианино гнулось под тяжестью роз и бледных пионов. В прихожей подсыхали рыхие маки, нежно роняя лепестки. Победитель еще не пришел... А следовало бы, пока эта гора мяса не выдохлась...

Васька-победитель, или как его там, сегодня купил еще один автомобиль, но чувствовал себя в нем весьма неуютно. Он думал, что его надули и в его широкой душе, как птичка в помещении склада, металась маленькое чувство обиды и легкого разочарования. Конечно, не стоило давать на лапу при нынешних ценах на бензин, или стоило дать на червонец меньше.

Автомобиль автомобилем, у всех есть, все в конце-концов одинаковые, а чувства наши... Впрочем, чувства наши пескожи, как стоптанные башмаки. Победителя беспокоила мысль, а не чувство, его беспокоила мысль, - зачем он дал на лапу лишний червонец? Это было ошибкой. И манера эта - давать на лапу - тоже ошибка.. Недавно полученный "большой социальный заказ" уже не радовал -- какой такой заказ, если за все приходится давать на лапу, а лапа эта, лапа эта, знаете, - ого-го! какая это становится лапа! Но в машине с ним сидел московский

гость и родственник одного председателя и двух членов совета, Победитель с каменным лицом ехал бессо всякого вдохновения отужинать и трахнуть в дальней комнате бабу, или, если можно, двух...

...У него была Петроградская с ее непотребным криминальным видом оборотной стороны бывших капиталистических доходных домов переживших все, переживших войны, эпохи и решительный ряд побед, и неизвестно, что еще переживут... Петроградская с зоопарком, рынком, кино "Великан" и белыми ночами... он банально презирал новостройки, где мог бы получить квартиру лет в пятьдесят - это как в долг взятые деньги - когда-нибудь наступит время и он вернет - нет - кто-то получит, а кто-то вернет...

Победитель еще не пришел, а в воздухе уже витала фраза, уже витал большой заказ - "большой социальный заказ"... Витали также "голова", "душа", "талант" и "роль художника". Краевский роль художника забыл. Он съел курицу быстро и добросовестно, вокруг говорили о шебеях. Ему хотелось спросить сколько на кухне духовок, но он сдержался и выпил фужер коньяку, и предложил своей соседке чокнуться с ним вторым фужером, но она сказала, что уже чокнулась и стала разговаривать со всеми по-французски, и это было так прекрасно, что Краевский поклялся себе купить учебник французского языка, но скоро понял, что вся публика за столом тоже заражена этой опасной идеей, вероятно, чтобы изъясняться с его чокнувшейся соседкой посвободнее. Тогда он выпил второй фужер... Так-как до сей поры его отвлекали и он не выяснил, каково общее количество духовых шкафов, Краевский пошел на кухню.

На пианино заграли. Видимо талантливый пианист, лепестки так и посыпались... Прекрасная музыка. Жаль Краевский знал только четыре настоящих музыки, а то можно бы и поговорить...

Васька-победитель, или как его там, и с ним заморский гость из Москвы, знаменитый салонной хамовитостью и умением петь "из Шаляпина", поднимались по лестнице тяжело дыша.

Им необходимо было посса... Лестница быка ничего себе, дом-тоже - не стыдно завести любого заморского карася - Крупного Карася... На полпути Карась остановился, вытер пот и, казалось, выдохнул: Петербург... При этом он вспоминал партитуру своих застольных волей, тогда как Васька очень хотел скорее посс... Но у московского Карася тоже были социальные заказы и это обстоятельство их как бы сближало...

Распахнутые двери, распластанные салаты, разнообразные выкрики - вот так у нас встречали чужеземцев, вот так - хором, хотя каждый хотел бы выебн..., пардон! выступить в сольной партии. Хозяйка приняла блл... - нет - очарова... - и ту самую позу, которую ей удалось выучить на сцене, а может быть - за сценой, а может и... и прошептала, что дескать, а у нас сегодня птички... Краевского от этих птичек слегка затошило. Впрочем, черт ее знает? что за птичек она имела в виду и на чем она их жарит тоже - черт ее знает?

И Краевский поплелся искать свою подругу, которая собственно его и пригласила, и которую сейчас занимал на балконе член сорца, писатель и драматургист, подруга, с которой он две недели назад закрутил роман, правда недолговечный, но он был так пьян, что ему было все равно, даже когда она смеялась и говорила, и повторяла: - Краевский, черт тебя возьми, неужели ты меня не узнаешь? - Не узнаю, - утверждал Краевский и ему было все равно, но она ему нравилась, хоть он и был так пьян, что никак ее не узнавал, он просто не хотел ничего узнавать, он хотел закрутить с ней роман, но был так пьян каждый день, что до романа все как-то дело не доходило, она ему очень нравилась и казалась нормальной шлюхой, и он ее почти сразу полюбил, он полюбил ее за доброе сердце и за то, что у таких как она добрые сердца, а почему у обычновенных шлюх сердца добree, чем у необыкновенных Краевский не знал...

И страсти забились в истерике, как джазмен плюющий в лисьи черепа косточками черных маслин - и это был блл, замечательный блл, халь Краевский об этом мало что знал...

У него была Петроградская с теннисным кортом, хоккейными

коробками и пионерами, играющими в футбол между высоких серых и желтых стен... и, если в центре города жизнь кипела с утра до вечера, то здесь она вела себя избирательнее и казалась не прекращалась ни на минуту... пока не начинала распадаться на десятки отдельных жизней и становилась непонятно, почему старая компания разбегается каждый по своим делам, как будто и не было никогда этого ощущения независимости от разных дел, и ему плевать хотелось на разные дела, если за это приходилось платить своей независимостью, или врать на каждом шагу - пусть даже это серьезные дела - тем более приходилось врать и изворачиваться из-за этих самых дел, и Петроградская, неизменная, верная, и как-будто своя, непонятно, каким образом, носила на себе столько говна - и не проваливалась в землю, не горела от стыда, а лишь горела и дымилась по ночам огоньками сигар, и задыхалась в дымах, и в испарениях жратвы и питья, и хрюпала голосами любящих ее, но разучившихся что-либо делать, кроме как любить и ничего, ничего никогда не делать, собравших в простом любви все свое позабытое щеславие, приятные надежды, но повторяющих люблю, когда хотелось кусаться и плакать, и шептавших люблю, когда просто хотелось умереть... она как женщина щеславная и стыдливая взяла меж рук двух проспектов большого города и если одна из них вздрагивала от счастья и страстей, то другая безусловно навевала покой...

Это был изумительный блэз и Победитель сидя обнимал театральную девицу мысленно будучи отсюда далеко... возможно вспоминал поездку на Кубу - на нем были фирменные тропические штаны...

Краевский успел набраться коньяку и сидел в углу, как затравленный и пьяный зверь, - он знал только четыре музенки, но с этими знаниями не стояло соваться в разговоры... до кухни ему добраться не удалось, чтобы выяснить наконец сколько там... тьфу ты! блэз бы так прекрасен, ароматен и малодоступен пьяному его сердцу, пьяным душам и сердцам,

что похоже никто уже ни черта не понимал, похоже, что Победитель был где-то далеко и только девица от него кажется близко... близко кончился и Краевский вдруг понял, что именно Ее обнимает сейчас Победитель, находясь отсюда далеко, а драматург разговаривает с хозяйкой о произведениях - должно быть своих - и сейчас начнет ее занимать - писатели занимают, художники обнимают, остальные артисты и вовсе делают что хотят, - Краевский это усвоил, он хотел потрогать свою соседку, но она закуяла по-испански и ему стало совсем некорово... никто, слава тебе господи, ничего не замечал, все слушали прекрасного архитектора, который пытался застегнуть штаны и все время повторял, что пора идти в ту комнату, пока жена... не засекла, а жена зажинув длинную-предлинную ногу говорила: - Бояччик! Успокойся пожалуйста, ты старенький!

О, Да! Это была не та Петроградская, к которой Краевский привык, но вожделенная республика квартир и мастерских, свободы и веселья, гардин, мебели, старинной дряни, красивых женщин, баб и вин... И именно в этом симпатичном мире Краевскому необходимо было напиться как последней сухе, и половину спектакля просидеть в уборной, обнимая импортный, шведский, нержавеющий унитаз... Победитель обещал его куда-нибудь пристроить... теперь наверно никуда он Краевского не пристроит... да, не пристроит, сволочь... Краевский долго и трудно вспоминал, о чем она болтала - не теперь с Победителем, а тогда с бедным Краевским, - от воспоминаний кружилась голова, и он покрепче обнимал унитаз, повторяя ее или не ее, но определенно какое-то имя... тогда все было прекрасно и никаких кинематографистов... все они киношники, сволочь-проклятая, устроили из жизни кино, а из своих бардаков цирк - хоть билеты продавай... да, всю неделю они что-нибудь с ней продавали или занимали деньги, теперь придется отдавать... черт! какой хороший унитаз!... всю неделю он болтал - похоже так и подарил ей на память всю свою биографию...

...это была его Петроградская с беспокойным и взбалмошным прошлым, с прошлым радужным, как синяк под глазом на третий день, если день пасмурный, или как лимон белым в солнечный

день, это была его сторона, где его так хорошо знали, а теперь кое-кто, пожалуй, и не заметит, это были девчонки, которых он, вероятно, любил, хотя всегда потом было немного грустно, это была его память, которую он хотел навсегда выбросить из сердца, но не было си, когда легкие вновь наполнены выхлопным воздухом дни...

Литературный шармоватый разговор проходил без осложнений. — Член совета умиротворяющие пьяны и в опьянении своем благодушен, — они с архитектором налегке разговаривают о женщинах.

Победитель отдыхал на тахте, гудел московский баритон и приближалась, так сказать, заключительная сцена.

На сцену вышел помятый и помятый Краевский и тоже стал петь, но на него зашептали, запекавали, на него забеспокоились... Краевский вынужден был выпить весь оставшийся коньяк и пошел разыскивать свою подружку в темном свете свечей. Ему снова стало весело, бешено весело и приятно в доме, где так много духовок и где его так хорошо принимают, и где его так хорошо угождают, и где он наконец почувствовал, что влюблен в этот превосходный дом со всеми его картинами, гардинами, духовками и пианинами, и другими необходимыми вещами, и собственное его допотопное, реликтовое существование уже не казалось ему таким невыносимым, он уже не был гостем, но равным среди равных и он любил их всех, веря и не веря своей редкой удаче и вновь обретенной любви, он чувствовал, что счастлив, что не напрасно продал всемирную библиотеку, что слезы радости и наслаждения подступают куда им и полагается подступать, ему хотелось петь и танцевать, и он стал танцевать и разбрасывать оставшиеся деньги, утверждая, что они ему совсем не нужны... тогда его начали бить и укладывать спать, но спать он не хотел, и его били все по очереди, пока он не улегся, это было великолепно, особенно когда она вытирала его полотенцем и зачем-то просила прощения, ну а он ее, конечно, давним-давно простил...

...несомненно это была его Петроградская, где так часто получаешь по морде, что без этого даже скучно становится, - ему снилась его Петроградская, в которой он кажется ненадолго усомнился, чтобы в дальнейшем уже не сомневаться, не сомневаться, что все хорошо, даже когда когда плохо, потому что без этого было бы неизвестно как, но может быть еще хуже, несомненно - это была его сторона...

Его разбудили и стали поить чаем, лучше бы дали выпить, но он все выпил вечером.

Гости разъехались, только член писателей спал в кресле. Краевский стал уходить. Еще он хотел... но достойной фразы не получилось и он ушел, не поблагодарив за угощение... Как последнее дермо.

Деньги ему вернули. Кажется все.

Она сидела в машине без номеров и помахала Краевскому рукой, и он ей тоже помахал. Они друг-другу помахали. Краевскому захотелось домой, это недалеко и если сесть в такси, и купить водки, то... Победитель хотел его подвезти, - дурак он, хоть и Победитель...

Краевский пошел не оглядываясь и по обыкновению слегка сутуясь ранним утром, поздней весной, замечательного, что ни говори, года....

999999999